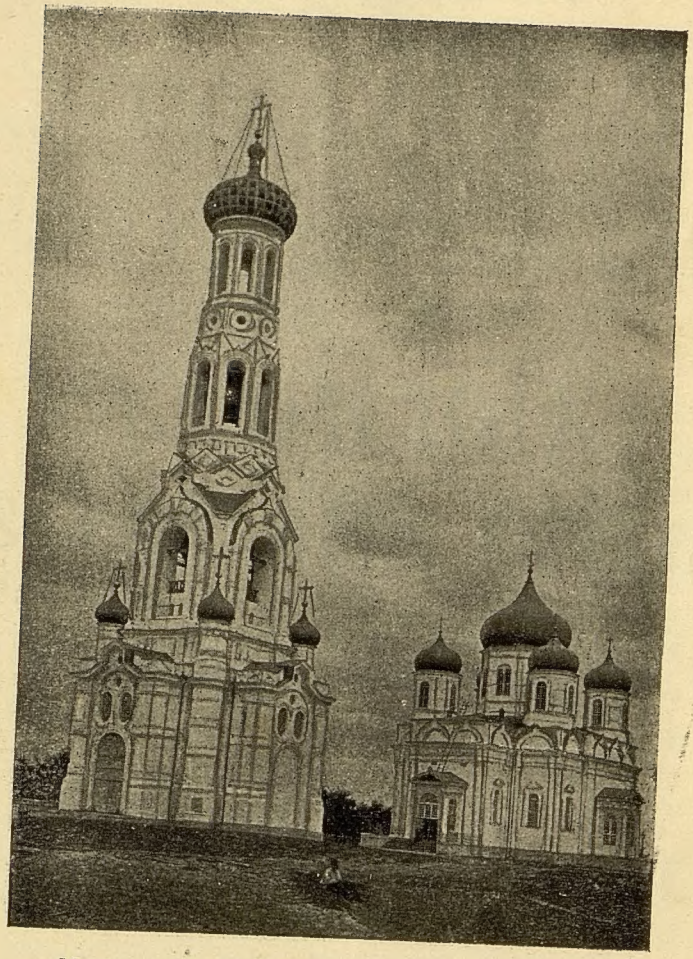

Казанскій Кафедральный соборъ въ Ставрополѣ на Кавказѣ.

Изъ прошлаго Сѣвернаго Кавказа.

КАЗАНСКІЙ
КАѲЕДРАЛЬНЫЙ СОБОРЪ

въ Ставрополѣ на Кавказѣ.

СТАВРОПОЛЬ.
Типографія Губернскаго Правленія.
1910.

ИЗЪ ПРОШЛАГО СѢВЕРНАГО КАВКАЗА.

КАЗАНСКІЙ КАѲЕДРАЛЬНЫЙ СОБОРЪ

въ Ставрополѣ на Кавказѣ.

На томъ мѣстѣ, гдѣ въ настоящее время стоитъ Ставрополь, въ сѣверо-западной части возвышенности, была расположена казачья станица. Нынѣшнія Станичныя (4) и Хоперская улицы указываютъ на мѣстонахожденіе этой станицы, центромъ которой былъ нынѣшній Нижній базаръ, гдѣ и стояла казачья церковь Казанской Божіей Матери. О времени возникновенія этой станицы, а тѣмъ болѣе перваго поселенія на этомъ мѣстѣ, свѣдѣній не имѣется, хотя извѣстно, что первые переселенцы были изъ Донской области съ рѣки Хопра, хоперскіе казаки.

Съ учрежденіемъ города и возрастаніемъ городского населенія потребность въ казачьей станицѣ, какъ сторожевомъ пунктѣ, становилась все меньше и меньше, тѣмъ болѣе, что построеніе крѣпостей на Моздокъ и по Кубани служило достаточнымъ оплотомъ противъ вторженія закубанскихъ горцевъ. Естественно, возникла мысль о переводѣ Ставропольской станицы въ другое мѣсто. Мысль эта возникаетъ вслѣдъ за построеніемъ Ставропольской крѣпости, тѣмъ болѣе, что всего въ 35 верстахъ отъ Ставрополя имѣлась солидная крѣпость Темнолѣсскій ретраншементъ, построенный собственно Суворовымъ.

Нежеланіе вызвать неудовольствіе казаковъ, много послужившихъ въ дѣлѣ водворенія русскихъ на Ставропольской возвышенности, останавливало приведеніе въ исполненіе этой мыс-

году, по описи была сдана полиціи, въ бытность городничимъ Гервальда. Чрезъ нѣсколько времени по уходѣ полка церковь эта какимъ то „секретнымъ“ образомъ однимъ купцомъ, временно проживавшимъ въ городѣ Георгіевскѣ, сломана, перевезена въ Георгіевскъ и поставлена на тамошнемъ кладбищѣ. По окончаніи войны, драгунскій полкъ снова былъ отправленъ на Кавказъ и, проходя чрезъ Ставрополь, увидѣлъ, что его церкви болѣе не существуетъ и о томъ куда дѣвалась таковая, завелъ съ Ставропольской полиціей переписку, которая продолжалась далеко за двадцатый годъ и окончилась безъ всякаго результата. Купецъ, перевезшій полковую церковь въ Георгіевскъ, оказался давно умершимъ и слѣдовательно—кто позволилъ ему перевести церковь—узнать было невозможно“.

По обстоятельствамъ того времени весьма возможно, что церковь драгунскаго полка и была продана въ виду ветхости ея и за отсутствіемъ надзора за ней по уходѣ полка.

Если даже Соборная церковь, бывшая въ то время въ Ставрополѣ, нынѣшній Троицкій Соборъ, какъ доносилъ въ 1800 году протоіерей, была въ плачевномъ положеніи,—„была выстроена непрочнымъ дѣломъ... подвержена опасности отъ паденія; отъ случающихся въ зимнее время метелей, проходитъ сквозь стѣны снѣгъ, а въ лѣтнее время бываетъ отъ дождей великая течь, такъ что важнѣйшія вещи—престолъ и антиминсъ—бываютъ намоченными,...—то можно себѣ представить—въ какомъ видѣ могла быть въ то время оставленная церковь полковая, имѣющая характеръ временной постройки. Объясняется продажа ея именно тѣмъ, что въ тотъ моментъ это было имущество, никому не принадлежащее, которое могло подвергнуться расхищенію. „Секрета“ въ продажѣ, конечно, не могло быть.

Что касается мѣста нахожденія этой церкви, то на существованіе ея указываетъ имѣющійся и въ настоящее время каменный крестъ во дворѣ Интендантства, въ значительномъ разстояніи отъ нынѣшняго нахожденія Собора, а слѣдовательно церковь эта и не могла быть на мѣстѣ нынѣшняго Каѳедральнаго Собора.

Хотя постройка церкови въ 1816 г. не была осуществлена, но мысль эта не оставлялась горожанами. Въ архивѣ Ставропольскаго Губернскаго Правленія и Духовной Консисторіи сохранился цѣнный матеріалъ для исторіи возникновенія нашего Казанскаго Каѳедральнаго Собора. Изъ дѣла 1841 года видно, что домогательство жителей только въ 1839 году приняло благопріятный оборотъ. 15 февраля 1839 г. Святѣйшій Синодъ разрѣшилъ построить каменную во имя Казанской иконы Божіей Матери церковь и 25 мая того же года были возвращены, утвержденные Синодомъ, планъ и фасадъ, составленные Комиссіей, но на мѣстѣ, гдѣ прежде стояла казачья церковь. Но дѣло постройки не подвигалось впередъ „по обстоятельствамъ общества", какъ говорится въ приговорѣ купеческаго и мѣщанскаго общества отъ 16 ноября 1841 года.

Существеннымъ препятствіемъ къ осуществленію задуманнаго жителями дѣла было именно избраніе мѣста. Еще въ 1816 году общество выбрало мѣсто „на горѣ" и думало построить церковь во имя Св. Николая, въ память избавленія города отъ чумы.

Но очевидно это мѣсто, какъ часть крѣпости, не нашли возможнымъ дать горожанамъ и разрѣшенія не послѣдовало.

Съ уходомъ станицы и переносомъ казачьей церкви вопросъ о мѣстѣ казалось разрѣшался самъ собой и разрѣшеніе, какъ мы видѣли, послѣдовало на постройку церкви, но на мѣстѣ старой казачьей и во имя Казанской Божіей Матери, какой и была старая церковь.

Между тѣмъ желанія горожанъ, купеческаго и мѣщанскаго общества, къ этому времени были уже иныя. Общества эти находили уже недостаточнымъ проектированной раньше церкви, думали о расширеніи и мечтали все таки объ избранномъ ими раньше мѣстѣ. И вотъ они въ ноябрѣ 1841 г. составляютъ новый приговоръ и, соглашаясь на постройку во имя Казанской Божіей Матери, просятъ разрѣшенія расширить ее двумя придѣлами и указываютъ на неудобства мѣста внизу, гдѣ была казачья церковь.

Въ этомъ приговорѣ говорится: „1841 года ноября 16 дня

Ставропольскія купеческое и мѣщанское общества, бывъ въ собраніи въ градской Думѣ, имѣли совѣщаніе и по обсужденіи сообразивъ обстоятельства, что со времени снесенія въ 1838 году казаками, переселенными начальствомъ въ станицу Суворовскую, бывшей въ городѣ Ставрополѣ деревянной церкви во имя Казанской Божіей Матери, всѣ вообще граждане, а особенно живущіе въ предмѣстіяхъ города, бывъ отдалены жительствомъ отъ оставшагося въ цѣломъ городѣ одного Св. Троицкаго Собора, встрѣчаютъ невозможность особенно въ ненатсную погоду бывать во храмѣ, и съ удобностью принимать въ нуждахъ необходимыя христіанскія требы; что съ ходатайства Градской Думы отъ имени ихъ общества по представленіи Новочеркаской Духовной Консисторіи Святѣйшій Правительствующій Синодъ разрѣшилъ построить въ городѣ Ставрополѣ церковь по составленнымъ Комиссіей проектамъ, смѣтѣ, плану и фасаду, препровожденнымъ изъ оного въ Коисисторію, а отъ оной чрезъ мѣстнаго благочиннаго въ Градскую Думу 25 мая 1839 г.; что по симъ планамъ и фасадамъ построеніе церкви еще понынѣ не начато по обстоятельствамъ дѣлъ сихъ обществъ, что мѣсто, на которомъ существовала свезенная казаками церковь, по тѣснотѣ своей, грязному въ низменности положенію неудобно къ построенію по утвержденнымъ плану и фасаду великолѣпнаго храма и отстоитъ оное отъ Святаго Троицкаго Собора ближе ста сажень, чѣмъ самымъ устроеніе на ономъ церкви не принесетъ существенной пользы отдаленнымъ прихожанамъ; мѣсто же для построенія храма во имя Святителя Николая избрано обществомъ еще въ 1816 году во время бѣдственнаго положенія города отъ существовавшей заразы, начальствомъ утверждено и до двѣнадцати тысячъ рублей ассигнаціями на построеніе онаго составилось временами суммы: потому въ отвращеніе всѣхъ объясненныхъ неудобствъ, для доставленія всѣмъ вообще жителямъ и другихъ отдаленныхъ мѣстъ отъ собора лучшаго удобства приходить въ храмъ для богомолія, а вмѣстѣ съ тѣмъ ради увѣковѣченія священной памяти посѣщенія города Ставрополя Всеавгустѣишимъ Монархомъ въ 1837 году октября 16 числа во изъявленіе душевно

вѣрноподданнической преданности Всемилостивѣйшему Государю Императору всѣхъ жителей города Ставрополя и самаго ради украшенія города, общество купеческое, мѣщанское положили: предоставить Градской Думѣ испросить отъ мѣстнаго главнаго начальства разрѣшенія къ построенію церкви *во имя Казанскія Божія Матери* на томъ мѣстѣ, которое избрано подъ постройку храма во имя Святителя Николая, по утвержденному плану и фасаду; украсивъ сію церковь двумя придѣлами: во имя Святыхъ Николая Чудотворца и Александра Невскаго, на мѣстѣ же свезенной казаками церкви, гдѣ былъ святый престолъ, построить приличной архитектуры большую часовню для иконы".

Опасаясь очевидно новой затяжки дѣла, приговоръ добавляетъ: „Желая скорѣе достигнуть священнослуженія въ предполагаемомъ семъ новомъ храмѣ, просимъ Градскую Думу въ возможной скорости постараться освятить мѣсто и приступить къ постройкѣ. Несомнѣнно надѣются общества, что Градская Дума неоставитъ озаботиться скорѣе испросить на сей приговоръ утвержденія Его Превосходительства господина генерала адъютанта и кавалера Павла Христіановича Граббе; а о придѣлахъ съ престолами во имя Святителя Николая Миръ-Ликійскаго Чудотворца въ 6-й день декабря и Александра Невскаго въ 30-й день августа празднуемыхъ кому слѣдуетъ представить. Вмѣстѣ съ тѣмъ купеческое и мѣщанское общества, желая взаимнаго на предполагаемую постройку согласія дворянъ и чиновниковъ, предоставляютъ Градской Думѣ испросить таковое отъ нихъ посредствомъ Ставропольскаго Коменданта господина полковника и кавалера Масловскаго".

Слѣдуютъ подписи. Первой стоитъ подпись Игната Волобуева, неграмотнаго.

На приговорѣ имѣется надпись, что онъ въ Ставропольской Градской Думѣ явленъ и въ книгу подъ № 20 записанъ. Подписали: Городской Голова Никита Плотниковъ, гласный Андрей Ивановъ и письмоводитель Смоковскій.

На этотъ разъ ходатайство городского общества было болѣе удачнымъ, на сторону общества сталъ Окружный На-

чальникъ полковникъ Масловскій, принимавшій и впослѣдствіи дѣятельное участіе въ этомъ дѣлѣ.

Масловскій въ представленіи своемъ Начальнику Кавказской области 18 ноября 1841 года проситъ удовлетворить желаніе общества и прибавляя, что выборъ этого мѣста „былъ утвержденъ начальствомъ“ и на мѣстѣ этомъ „былъ поставленъ крестъ на горѣ“, говоритъ, что опрошенные имъ мѣстные дворяне и чиновники тоже одобрили выборъ общества *).

Отъ какого начальства послѣдовало это „утвержденіе“ въ 1816 г. ни въ представленіи Масловскаго, ни во всемъ дѣлѣ указаній нѣтъ, но вѣроятно у Масловскаго было основаніе для такого утвержденія.

Представленіе Масловскаго имѣло большое значеніе.

Съ полнымъ сочувствіемъ отнесся къ ходатайству городского общества и Начальникъ области Павелъ Христіановичъ Граббе съ особенной поспѣшностью отправившей (22 ноября) ходатайство къ архіепископу Новочеркасскому и Георгіевскому

---

*) Упоминаніемъ въ представленіи Масловскаго о крестѣ, поставленномъ на горѣ въ 1816 году, на мѣстѣ, избранномъ горожанами для постройки церкви во имя Св. Николая, разрѣшается, повидимому, вопросъ—къ какому времени отнести и кѣмъ именно былъ поставленъ крестъ, нынѣ находящійся на Соборной горѣ, въ 5 саженяхъ отъ зданія Собора на востокъ. По предложенію И. П. Кувшинскаго крестъ этотъ поставленъ на пьедесталѣ съ надписью, что онъ „поставленъ Суворовымъ“. Но надо замѣтить, что данныхъ, подтверждающихъ указаніе Масловскаго, въ дѣлѣ нѣтъ, хотя надо полагать, что общество въ своемъ приговорѣ не преминуло бы сослаться на это обстоятельство.

При этомъ надо замѣтить, что указанный крестъ, какъ мы лично видѣли въ 1880 году, былъ вдѣланъ въ стѣну отдѣльно стоявшей отъ Собора часовни, въ наружной восточной ея стѣнѣ, и въ часовнѣ всегда зажигалась лампада. Если бы этотъ крестъ обозначалъ избранное для церкви мѣсто, то оно и вошло бы въ площадь постройки теперешняго Собора и самый крестъ пошелъ бы въ закладку фундамента, какъ это всегда дѣлается, и не было бы надобности строить для него отдѣльную часовню и поддерживать неугасимую лампаду. А часовня стояла съ восточной стороны Собора и въ 5—6 саженяхъ отъ него.

Точно также нѣтъ никакого основанія и для предположенія И. П. Кувшинскаго, тѣмъ болѣе, что и закладка крѣпости Ставропольской Суворовымъ не подтверждается, а строителемъ ея, какъ теперь точно извѣстно, былъ полковникъ Ладыженскій.

Въ виду этого надо полагать, что крестъ этотъ—одинъ изъ древнихъ крестовъ, находимыхъ въ разныхъ мѣстахъ Сѣвернаго Кавказа, и нельзя не пожалѣть, что, обмазавъ крестъ цементомъ, „реставраторы“ сгладили всѣ неровности и уничтожили всѣ слѣды, а можетъ быть и надпись на немъ, проливавшіе свѣтъ на прошлое креста. Вслѣдствіе нахожденія этого креста на данной возвышенности и крѣпость, а затѣмъ и городъ получили свое названіе Ставрополь, т. е. городъ Креста.

Афанасію. Въ то время Кавказская область была причислена къ Новочеркасской епархіи.

Граббе такъ горячо взялся за это дѣло, что, не дожидаясь пока будетъ разрѣшаться вопросъ о „мѣстѣ“ въ Новочеркасской Консисторіи, онъ, ознакомившись съ желаніемъ общества, озаботился немедленно изготовить проектъ и фасадъ зданія и сообщилъ Градской Думѣ для одобренія. Такая поспѣшность имѣла громадное значеніе и этими первыми шагами, положительно можно утверждать, былъ обезпеченъ дальнѣйшій ходъ дѣла.

Въ своемъ письмѣ къ Преосвященному Афанасію Граббе прямо говоритъ, что „избранное обществомъ мѣсто на горѣ, между Гостиннымъ рядомъ и Коммиссаріатскими зданіями по положенію своему есть самое благоприличное для храма и къ допущенію на немъ постройки препятствій не встрѣчается“.

Граббе положительно утверждаетъ, что сооруженіе церкви желательно и ходатайство общества онъ находитъ „весьма уважительнымъ“.

А такъ какъ первый проектъ въ виду предполагаемыхъ двухъ придѣловъ требуетъ измѣненій, то онъ и представляетъ извѣстнаго художника Дурнова новый планъ и фасадъ, на который и общество изъявило согласіе.

Граббе говоритъ далѣе, что онъ готовъ даже принять на себя личное ходатайство въ Петербургѣ, куда онъ долженъ былъ ѣхать, но проситъ только согласіе и благословеніе Преосвященнаго.

Письмо это со всѣми документами было отправлено Преосвященному съ нарочнымъ. *)

Въ концѣ письма Граббе проситъ даже, чтобы закладка церкви была совершена 6 декабря въ день тезоименитства Государя.

Несомнѣнно, что такая могущественная поддержка должна была оказать вліяніе на ходъ дѣла.

---

*) Въ дѣлѣ имѣется предписаніе выдать подорожную на взиманіе почтовыхъ лошадей нарочному купцу Ивану Волобуеву, командированному къ Архіепископу Новочеркасскому съ планомъ и фасадомъ на предполагаемую въ Ставрополѣ церковь.

Архіепископъ Афанасій спѣшно приказалъ Консисторіи разсмотрѣть дѣло и въ письмѣ отъ 28 ноября говоритъ, что онъ лично согласенъ на сооруженіе на означенномъ мѣстѣ и по вновь проектируемому плану, но что до отмѣны прежняго Святѣйшимъ Синодомъ онъ благословенія на закладку дать не можетъ и вполнѣ одобряетъ личное ходатайство Граббе въ Петербургѣ.

Взявшись съ энергіей за это дѣло, Граббе воспользовался своимъ пребываніемъ въ Петербургѣ и подалъ всесильному тогда графу Протасову (21 января 1842 г.) записку, въ которой подробно излагаетъ обстоятельства дѣла, проситъ исходатайствовать разрѣшенія Святѣйшаго Синода на постройку и добавляетъ, что „прежнее мѣсто въ части города, называемой станица, тѣсно, грязно, закрыто обывательскими домами и слишкомъ близко къ Троицкому Собору и потому не принесетъ пользы отдаленнымъ прихожанамъ".

Нельзя не признать, что лучшаго мѣста для постройки Собора нельзя было найти и ставропольцы должны съ признательностью помянуть имя Павла Христіановича Граббе, своимъ вліяніемъ отстоявшаго его для Ставрополя.

Только благодаря Граббе такъ долго тянувшееся дѣло могло принять такой счастливый оборотъ и увѣнчаться успѣхомъ.

Графъ Протасовъ лично доложилъ Государю объ этомъ дѣлѣ и на его докладѣ Николай I написалъ: „Согласенъ, но фасадъ передѣлать А. Тону или Брюлову".

Конечно о большемъ и не мечтали Ставропольскіе граждане и 6 марта 1842 года было объявлено имъ о такомъ Высочайшемъ благоволеніи.

Обрадованные ставропольцы въ то же время вѣроятно испугались стоимости предстоящей постройки, если проектъ поручается такимъ извѣстнымъ художникамъ.

Хотя прямыхъ указаній на это въ дѣлѣ и нѣтъ, но тотъ же благодѣтель Граббе снова пишетъ графу Протасову, благодаритъ его и проситъ оказать благосклонное содѣйствіе къ ускоренію составленія проекта, что бы можно было съ весны приступить къ постройкѣ, и прибавляетъ, что, при всемъ усер-

діи жителей, они не могутъ пожертвовать болѣе 100 тысячъ рублей, о чемъ желательно сообщить г.г. архитекторамъ для соображенія при составленіи проекта.

24 мая 1842 года было объявлено Ставропольскому обществу, что составленный проектъ профессоромъ Академіи Художествъ Александромъ Тономъ утвержденъ Государемъ и гражданскій губернаторъ Сотниковъ вмѣстѣ съ этимъ приглашаетъ общество составить Комитетъ по постройкѣ и представить объ этомъ приговоръ.

11 іюля 1842 года уже была получена отъ архіепископа Афанасія храмозданная грамота и исполненіе по ней поручалось протоіерею и благочинному Крастилевскому, которому 30 іюля вручена грамота Окружнымъ Начальникомъ Масловскимъ.

Храмозданная грамота.

Божіею Милостію Смиренный Афанасій Архіепископъ Новочеркасскій и Георгіевскій.

По указу изъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода и по власти данной намъ отъ великаго Архіерея Нашего Господа Іисуса Христа, благословляемъ мы, по прошенію паствы нашея Кавказской Области города Ставрополя, прихожанъ, соорудить въ семъ городѣ каменнымъ зданіемъ во имя Казанскія Божія Матери, съ двумя придѣлами съ одной стороны во имя Святителя и Чудотворца Николая, а съ другой Св. Александра Невскаго, новую церковь. Но вступить въ начинаніе сіе съ испрашиваніемъ помощи Вседержителевой съ тѣмъ, чтобы храмъ тотъ устроенъ былъ по плану съ фасадомъ, составленному Профессоромъ Императорской Академіи Художествъ Александромъ Тономъ и утвержденному ЕГО ИМПЕРАТОРСКИМЪ ВЕЛИЧЕСТВОМЪ, прочною и доброю архитектурою и всѣмъ нужнымъ и пристойнымъ снабженъ, Алтаремъ на Востокъ, по обычаю Восточныя Грекороссійскія церкви, и Алтарь тотъ былъ бы не тѣсенъ и не темный, и престолы какъ въ настоящемъ Храмѣ, такъ и въ придѣлахъ вышиною въ аршинъ шесть вершковъ и содскою а шириною и длиною по мѣрѣ Алтаря подъ надзоромъ мѣстнаго Благочиннаго, Священнослужителей, старосты церковнаго, почтеннѣйшихъ прихожанъ и по распоряженію Архитектора, или

другого свѣдущаго по строительной части лица; для чего по чинополоненію строеніе онаго Храма на удобномъ мѣстѣ заложить, потомъ отъ рапортовать намъ имѣетъ мѣстный Благочинный. Когда же оный Храмъ устроенъ, благолѣпнымъ иконостасомъ украшенъ и какъ сосудами сребрянными, такъ и ковчегомъ, дароносицею и крестомъ напрестольнымъ и прочими всѣми вещами по благопристойности неоскудно удовольствованъ будетъ, равно ризницею изъ шелковой матеріи, книгами всѣмъ тѣмъ, что нужно для Св. Храма, по всѣмъ томъ намъ отъвѣдомственнаго Благочиннаго донесено будетъ, съ приложеніемъ описи имуществу того Храма, тогда и объ освященіи онаго Благословеніе воспослѣдуетъ. Дана сія грамота за подписаніемъ нашимъ и за печатью Новочеркасской кафедры въ богоспасаемомъ городѣ Новочеркаскѣ въ домѣ Нашемъ. Іюль 11 дня 1842 года.

Такимъ образомъ все необходимое было добыто и оставалось приступить къ постройкѣ.

Но ревностно принявшемуся за это дѣло Павлу Христіановичу Граббе не суждено было видѣть осуществленіе начатаго имъ и съ такимъ настояніемъ веденнаго имъ дѣла.

19 мая 1843 года вступилъ уже новый Начальникъ области генералъ-лейтенантъ Гурко.

Къ этому времени въ жизни Кавказской Области произошли большія перемѣны. Кавказская область съ Черноморіей были выдѣлены въ особую епархію и въ Ставрополь 10 апрѣля 1843 года прибылъ первый епископъ Іеремія, именованный Кавказскимъ и Черноморскимъ.

И вотъ новый начальникъ области генералъ-лейтенантъ Гурко объявляетъ Окружному Начальнику, что съ учрежденіемъ епархіи дѣло постройки церкви Казанской Божіей Матери въ Ставрополѣ не можетъ подлежать иному вѣдѣнію кромѣ духовнаго, о чемъ надлежитъ объявить городскому обществу, причемъ, прибавляетъ Начальникъ области, отъ Преосвященнаго они должны ожидать назиданія и благословенія, всѣ же распоряженія объ устроеніи церкви предоставляются собственному гражданъ усердію и попеченію, а со стороны

областнаго начальства будетъ только наблюденіе за правильностью постройки, съ полной готовностью содѣйствовать къ успѣшному совершенію богоугоднаго предпріятія".

Такимъ образомъ общество предоставлялось собственнымъ силамъ въ отношеніи средствъ на постройку, а это было крайне тяжело для него по тому времени.

По распоряженію Начальника области сняты были копіи съ плана и фасада для Строительной Комиссіи, а подлинные отправлены Начальнику области.

Съ уходомъ П. Х. Граббе дѣло постройки замедлилось и, какъ видно изъ отношенія Преосвященнаго Іереміи отъ 3 іюля 1843 года, ничего не было сдѣлано до этого времени для составленія Комитета „никакого почти не сдѣлано начала".

Іеремія прибылъ въ Ставрополь 10 апрѣля 1843 года и подвинуть постройку церкви было первымъ его дѣломъ.

Онъ обращается 29 мая къ Окружному Начальнику Масловскому и проситъ его принять на себя работу старателя по сооруженію.

Но такъ какъ Масловскій, находясь на службѣ, не могъ этого сдѣлать безъ разрѣшенія Начальника Области, то Іеремія проситъ генералъ-лейтенанта Гурко разрѣшить Масловскому принять на себя эту обязанность.

Вслѣдъ за этимъ и городское общество (13 іюля) проситъ о томъ же Масловскаго и въ приговорѣ по этому поводу помощникомъ назначаетъ ему купца Карнея Чернова.

Вѣроятно и въ духовенствѣ были противники избраннаго для церкви мѣста „на горѣ", такъ какъ въ отношеніи своемъ отъ 15 іюня Іеремія проситъ Начальника Области объ „освидѣтельствованіи избраннаго для церкви мѣста и о дознаніи удобства или неудобства его" и прибавляетъ просьбу прислать копію съ „дѣла первоначально веденнаго о храмѣ для епархіальныхъ дѣлъ".

Это требованіе объ осмотрѣ было совсѣмъ неожиданнымъ, такъ какъ о пригодности мѣста не возбуждалось уже вопроса и не возникало даже никакого сомнѣнія, тѣмъ болѣе, что Град-

ской Голова уже просилъ разрѣшенія Іереміи на освященіе мѣста для закладки храма 25 іюня въ день рожденія Николая Павловича.

Возможно, что нежеланіе исходило отъ тогдашнихъ „соборянъ“, которые съ устройствомъ здѣсь новаго храма теряли свое значеніе и Троицкій Соборъ обращался въ обыкновенный приходской храмъ. А можетъ быть были и другія лица, недовольныя избраннымъ мѣстомъ, но только Начальникъ Области „удовлетворяя такому требованію“, какъ пишетъ Окружный Начальникъ, предписалъ областному архитектору Бернштейну освидѣтельствовать мѣсто, о чемъ и увѣдомилъ Градского Голову гражданскій губернаторъ.

Все дѣло вмѣстѣ съ тѣмъ въ подлинникѣ было отправлено Преосвященному Іереміи съ просьбою возвратить по миновaніи надобности.

18 іюня генералъ-лейтенантъ Гурко изъ лагеря на р. р. Бежгонѣ и Кефарѣ увѣдомилъ Преосвященнаго, что разрѣшаетъ полковнику Масловскому заняться столь богоугоднымъ дѣломъ, какъ дѣло постройки церкви.

22 Іюля 1843 года былъ составленъ слѣдующій актъ: „1843 года іюня 22 дня члены Кавказской области строительной Комиссіи областной архитекторъ Бернштейнъ и поручикъ Шефлеръ при бытности Ставропольскаго Окружнаго Начальника полковника и кавалера Масловскаго, Ставропольскаго Градского Головы Плотникова, Ставропольскихъ почетныхъ гражданъ: Волобуева, Стасенкова и купцовъ Гапиловскаго, Браціанова, Чернова, Волкова, Леонидова и Пахомова и депутата со стороны духовной Протоіерея Троицкаго Собора Крастылевскаго отвели и освидѣтельствовали мѣсто между Гостиннымъ дворомъ и комиссаріатскими зданіями, на которомъ предположено построить каменную церковь во имя Казанской Божіей Матери съ двумя придѣлами. По освидѣтельствованіи и испытаніи грунта земли отведеннаго мѣста оказалось, что подъ верхнимъ наноснымъ слоемъ находится пластъ песчаноглиненной земли, по наклонному положенію этого слоя, разстояніе его отъ разныхъ точекъ поверхности мѣста измѣняется отъ полу-

тора до трехъ аршинъ, крѣпость и толщина означеннаго пласта позволяютъ основать на немъ самыя грузныя строенія и потому значительныхъ осадковъ, чрезъ которые могло бы сдѣлаться поврежденіе въ строеніи, какъ мѣстныхъ, такъ и общихъ при правильномъ устроеніи фундамента быть не можетъ, въ чемъ и подписомъ нашимъ удостовѣряемъ. Областной архитекторъ Бернштейнъ, строительнаго отряда путей сообщенія поручикъ Шефлеръ. Вышеозначенное освидѣтельствованіе и отводъ подъ построеніе церкви земли произведенъ въ присутствіи нашемъ. Комендантъ города Ставрополя и Окружный Начальникъ полковникъ Масловскій, Градской Голова Никита Плотниковъ, почетный гражданинъ Игнатій Волобуевъ и по неграмотству съ приказанія подписалъ сынъ его родной Петръ Волобуевъ. Почетный гражданинъ 1 гильдіи купеческій сынъ Егоръ Стасенковъ, 1 гильдіи купецъ Гониловскій, 2 гильдіи купецъ Филиппъ Брацiановъ, 2 гильдіи купецъ Корнѣй Черновъ, 3 гильдіи купецъ Илья Прокофьевъ Волковъ, 3 гильдіи купецъ Яковъ Леонидовъ, 3 гильдіи купецъ Петръ Пахомовъ, а за неграмотнаго подписалъ Петръ Павловъ сынъ Шалавиновъ. Каѳедральный протоіерей Константинъ Крастилевскій".

24 Іюня гражданскій Губернаторъ Сотниковъ пишетъ Преосвященному: „Сейчасъ получилъ донесеніе архитектора объ освидѣтельствованіи мѣста, поспѣшаю увѣдомить Васъ съ препровожденіемъ акта и плана для дальнѣйшихъ распоряженіе по духовной части".

Очевидно гражданскія власти чувствовали неловкость своего положенія вслѣдствіе неожиданнаго требованія Преосвященнаго, такъ какъ дѣло прошло всѣ инстанціи и удостоилось Высочайшаго соизволенія, а потому посмотрѣли на это требованіе, какъ на ненужную затяжку и торопились покончить съ этимъ, дѣлая намекъ Преосвященному, что посылаютъ ему этотъ актъ для дальнѣйшихъ распоряженій *по духовной части*.

Такимъ образомъ первые шаги Преосвященнаго Іереміи въ Ставрополѣ отмѣчаются нѣкоторымъ обостреніемъ его отношеній къ властямъ гражданскимъ.

Но надо сказать, что и въ дальнѣйшей своей дѣятельности Преосвященный Іеремія не разъ имѣлъ эти огорченія, какъ онъ горько жалуется въ своихъ письмахъ и дневникѣ. Въ особенности серьезное столкновеніе произошло изъ—за раскольниковъ (старообрядцевъ), слѣдствіемъ чего по представленію графа Воронцова было даже отдѣленіе ста станичныхъ церквей отъ епархіи и передача ихъ въ вѣдѣніе оберъ-священника, что крайне огорчило Преосвященнаго.

Такимъ образомъ еще разъ этимъ актомъ осмотра была удостовѣрена пригодность и цѣлесообразность избраннаго горожанами мѣста для будущаго Собора и мы нынѣ спустя 67 лѣтъ только можемъ присоединиться къ смѣлому и рѣшительному заключенію архитектора Бернштейна, вполнѣ оправдавшемуся на дѣлѣ прочностью зданія Собора, не давшаго за все время никакихъ дефектовъ.

Ободренное этимъ заключеніемъ Комиссіи, Ставропольское городское общество изъ купцовъ и мѣщанъ 2 іюля снова представило Преосвященному дополнительно къ прежнему представленію приговоръ, обезпечивающій постройку задуманной церкви, о чемъ Іеремія говоритъ въ своемъ отношеніи къ Начальнику Области отъ 5 іюля 1843 года. Общество горожанъ обязывалось: „собрать въ теченіи будущихъ трехъ лѣтъ съ каждаго капитала купцовъ первой гильдіи по 60 руб., второй гильдіи по 40 руб., а третьей гильдіи по 30 руб. серебромъ, съ мѣщанъ же съ каждаго рубля, слѣдующаго въ платежъ казенныхъ податей и прочихъ общественныхъ повинностей, по 20 коп. серебромъ“.

Усердіе горожанъ такимъ образомъ не только не ослабѣвало, но наоборотъ увеличивалось, судя по значительности взятаго на себя послѣдняго обязательства.

Къ этому пожертвованію надо присоединить еще и пожертвованіе Градского Головы Никиты Михайловича Плотникова, который еще 11 іюля 1842 года заявилъ Присутствію Думы, что онъ въ память умершаго сына жертвуетъ на постройку церкви „Казанской Божіей Матери“ съ придѣлами Святителя Николая Чудотворца и Александра Невскаго 1000 руб. и на

предположенную на старомъ кладбищѣ во имя Успенскія Божія Матери пятьсотъ рублей, сверхъ того на пополненіе общественнаго долга, изложеннаго въ приговорѣ общества, состоявшагося 27 генваря 1841 года, на основаніи коего по недостатку общественной суммы сдѣланъ заемъ Градской Думы изъ разныхъ сборовъ Сиротскаго Суда и церковныхъ, коихъ общество хотя вышеписаннымъ приговоромъ 24 генваря 1841 года положило уплачивать въ теченіи шести лѣтъ, но и до сего времени еще таковаго долга нисколько не внесено, жертвуетъ тысячу пятьсотъ рублей ассигнаціями, каковую сумму вносить будетъ въ теченіи трехъ лѣтъ по разнымъ частямъ въ каждый годъ по 1000 руб., т. е. въ три года три тысячи рублей, изъ коихъ Градская Дума половину должна обратить на постройку означенной церкви, а другую половину на пополненіе общественнаго долга".

Наконецъ Преосвященный назначилъ день освященія мѣста для храма 8 іюля и увѣдомилъ Начальника Области, прося назначить для присмотра чиновника по искусственной части.

„Увѣдомляю Васъ о семъ, Милостивый Государь, и намѣреваясь 8 числа сего же іюля совершить по чинополоненію свят. церкви освященіе мѣста и основаніе храма, я долгъ имѣю покорнѣйше просить Ваше Превосходительство о распоряженіи къ назначенію для надзора за производствомъ работъ чиновниковъ искусственной части".

Достигли наконецъ Ставропольцы своего завѣтнаго желанія и 8 іюля 1843 г. состоялась торжественная закладка храма, нынѣшняго Каѳедральнаго Собора на горѣ, на мѣстѣ, котораго они такъ долго добивались.

Строительнымъ Комитетомъ назначенъ былъ для надзора архитекторъ Бернштейнъ, о чемъ и было дано знать Преосвященному 26 августа. Такимъ образомъ первые камни зданія храма, его основа, были положены подъ наблюденіемъ архитектора Бернштейна.

Но затѣмъ Преосвященный пишетъ въ іюлѣ 1844 г., что до свѣдѣнія его дошло, что Бернштейнъ уѣзжаетъ на минеральныя воды и проситъ о назначеніи новаго чиновника.

Комиссія назначаетъ архитекторскаго помощника Славянскаго, о чемъ и состоялось постановленіе Комиссіи 28-го іюня 1844 года.

На этомъ заканчивается „первоначально веденное дѣло о постройкѣ церкви", которое, какъ видно изъ отношенія Кавказской Духовной Констисторіи отъ 24 ноября 1844 г., и возвращено въ канцелярію Общаго Управленія Кавказской Области.

Въ концѣ этого дѣла имѣется росписка архитектора Ткаченко въ полученіи Высочайше утвержденнаго плана церкви, строющейся въ Ставрополѣ „Казанской Божіей Матери" 27 іюля 1844 года.

Нельзя не отмѣтить, что то неожиданное требованіе Преосвященнаго Іереміи, которое было указано выше, объ освидѣтельствованіи мѣста, избраннаго для церкви, было повидимому сдѣлано не безъ причины. Дѣло въ томъ, что хотя и состоялось утвержденіе и послѣдовало Высочайшее соизволеніе на постройку церкви на этомъ мѣстѣ, но уступки этого мѣста, какъ части бывшей крѣпости, принадлежавшей военному вѣдомству, сдѣлано не было.

Слѣдовательно въ будущемъ возможны были недоразумѣнія относительно принадлежности мѣста. Предусмотрительный Іеремія своимъ требованіемъ объ освидѣтельствованіи мѣста достигъ того, что только въ это время впервые состоялась формальная передача этого мѣста городу и составленъ торжественный актъ приведенный выше, при чемъ это мѣсто отмѣчено было на городскомъ планѣ. Такого мнѣнія о необходимости передачи мѣста городу вѣроятно держались и въ Градской Думѣ, такъ какъ дѣятельными участниками этой постройки были И. Н. Волобуевъ и Градской голова Плотниковъ, бывшіе ближайшими помощниками Іереміи.

Въ этомъ отношеніи Ставропольцы обязаны признательностью своему первому архипастырю, который, не увлекаясь благорасположеніемъ даннаго момента, заглядывалъ и въ будущее и былъ вполнѣ правъ, такъ какъ и теперь еще въ Ставрополѣ не разрѣшенъ вопросъ о принадлежности городу нѣкоторыхъ мѣстъ, занятыхъ въ прежнее время военнымъ вѣдом-

ствомъ для своихъ цѣлей, не смотря на то, что эти мѣста фактически находятся во владѣніи города.

Съ именемъ Преосвященнаго Іереміи для Ставрополя связаны и другія начинанія: открытіе Ставропольской Духовной Семинаріи (1846 г. 13 ноября), открытіе Консисторіи, постройка церквей при тюремномъ замкѣ, при военномъ госпиталѣ, при мужской гимназіи и открытіе Ставропольскаго женскаго монастыря, Іоанно-Маріинской обители, въ память родителей Іереміи.

Іеремія пробылъ на Кавказской каѳедрѣ и прожилъ въ Ставрополѣ около 7 лѣтъ, и перемѣщенъ отсюда въ Полтаву въ концѣ 1849 г.

И такъ только чрезъ 33 года осуществилось завѣтное желаніе Ставропольцевъ имѣть у себя церковь „на горѣ". Тѣ затрудненія, которыя горожане встрѣчали на пути своего ходатайства, совершенно непонятны и неудовлетвореніе ихъ желанія не объяснимо ни мѣстными причинами, ни соображеніями высшаго начальства.

Это обстоятельство является тѣмъ болѣе страннымъ, что заботы правительства по отношенію къ нашей окраинѣ, Сѣверному Кавказу, и въ частности къ Ставрополю, всегда заключалось въ томъ, чтобы скорѣе этотъ край сдѣлать доступнымъ для водворенія гражданскаго населенія, сдѣлать его краемъ мирнымъ и отодвинуть театръ военныхъ дѣйствій возможно далѣе. Мѣстныя условія также требовали постройки новой церкви, такъ какъ существующей церкви, Троицкаго Собора, было крайне недостаточно.

Церковь Ставропольской казачьей станицы обслуживала нужды станичниковъ, которыхъ еще въ 1795 г. было 300 дворовъ, да и та въ 1838 году была изъ Ставрополя увезена. Слѣдовательно оставалась небольшая церковь „Троицкій Соборъ", которая была крайне тѣсна.

А между тѣмъ еще въ 1795 г. приговоромъ Ставропольскихъ мѣщанъ и купцовъ по поводу разрѣшенія построить Троицкую церковь удостовѣрено, что въ Ставропольскомъ форштадтѣ было 200 обывательскихъ домовъ и 1225 д. о. пола.

Къ мѣстнымъ соображеніямъ присоединялось и то, что горожане возымѣли желаніе построить эту новую церковь въ память избавленія отъ страшной эпидеміи чумы, бывшей въ Ставрополѣ въ 1810 году и унесшей очень много народа.

И разрѣшенія не давали, не смотря на все это.

Это странное отношеніе къ нуждамъ населенія при общей заботливости о водвореніи мира въ краѣ замѣчалось и по отношенію постройки церквей въ другихъ пунктахъ Кавказской области. *)

Существовали очевидно какія то опасенія, что населеніе не въ силахъ будетъ поддерживать церкви и духовенства, а можетъ быть были и опасенія за прочность пріобрѣтенія новаго края. Но будущее не оправдало этой странной осторожности.

Постройка храма была закончена въ 1847 году и указомъ Святѣйшаго Синода отъ 20 августа за № 9062, онъ былъ переименованъ въ Каѳедральный соборъ, а 22 октября того же года состоялось освященіе при торжественной обстановкѣ. **)

Существующая нынѣ при соборѣ колокольня сооружена по проекту архитектора Воскресенскаго въ 1859—60 году и при выдающейся высотѣ является однимъ изъ лучшихъ сооруженій этого рода на Кавказѣ.

Г. Прозрителевъ.

*) См. Возникновеніе церквей въ Кавказской области Г. Н. Прозрителева.
**) Дѣло Губ. Арх. 1847 г. № 1584.

ИЗЪ ПРОШЛАГО
СѢВЕРНАГОКАВКАЗА.

Къ исторіи Ставропольскаго и Тифлисскаго театра.

Время управленія Кавказомъ князя М. С. Воронцова отличается необыкновенною дѣятельностью. Всѣ стороны жизни были затронуты этимъ въ высшей степени энергичнымъ и талантливымъ администраторомъ. Если его военная дѣятельность не имѣла того успѣха, на который тогда расчитывали и на что онъ самъ надѣялся, то въ сферѣ гражданскаго управленія поражаешься внимательностью, и такъ сказать, предусмотрительностью и необыкновенною заботливостью о нуждахъ и интересахъ обывателя. И это въ то время, когда на Кавказѣ на первомъ планѣ были „военныя дѣла" и когда совершенно почти не было административнаго персонала, необходимаго для проведенія въ жизнь начертаній. Князь Воронцовъ былъ образованнѣйшимъ человѣкомъ своего времени и этимъ объясняется то отношеніе его къ нуждамъ новаго края, о которомъ теперь свидѣтельствуютъ намъ наши архивы.

Театръ также не остался безъ вниманія со стороны прибывшаго новаго намѣстника. Въ Тифлисѣ въ то время (въ 1845 г.) не было театра и Ставроп. театръ, давно уже существовавшій, положилъ начало Тифлисскому театру. Въ письмѣ къ т. с. Гедеонову князь Воронцовъ пишетъ отъ 8 февраля 1845 года. „Съ самаго пріѣзда моего въ Тифлисъ я обратилъ вниманіе на недостатокъ въ немъ театра и считалъ учрежденіе онаго здѣсь не только не лишнимъ, но и во многихъ отношеніяхъ крайне полезнымъ, и приказалъ войти

въ сношеніе съ находившеюся тогда небольшою Русской труппой въ Ставрополѣ, которая и была потомъ сюда приглашена и въ сентябрѣ мѣсяцѣ давала здѣсь представленія въ небольшомъ, нарочно для того устроенномъ театрѣ".

Въ письмѣ къ Щепкину тогда же Воронцовъ говоритъ:

«Мы здѣсь недавно построили небольшой театръ и пригласили труппу изъ Ставрополя. Желая и теперь имѣть что нибудь лучшее, я отнесся къ Директору императорскихъ театровъ, т. с. Гедеонову, съ просьбой о содѣйствіи его въ этомъ дѣлѣ и присылкѣ намъ сюда небольшой русской труппы.»

Для устройства театра была образована Комиссія, на обязанности которой лежали подготовительныя работы и 26 іюня 1845 г. дирекція открыла свои дѣйствія въ Тифлисѣ, а 20 сентября уже начаты были представленія.

Изъ протокола Тифлисской дирекціи отъ 26 Іюня 1845 г. видно, что на устройство сцены, ложъ, креселъ и прочихъ принадлежностей потребовалось около 1,900 руб. с. и на перевозку изъ Ставрополя въ Тифлисъ дирекціи и актеровъ изъ тамошней труппы, содержимой Яценкою, 1000 р., а всего около 2900р. с. Соглашаясь взять театръ въ свое содержаніе, Яценко полагаетъ давать въ Тифлисѣ представленія до начатія жаровъ и по окончаніи ихъ въ продолженіи осени, зимы и весны; лѣтотомъ же, во время жаровъ, просилъ дозволенія переѣзжать съ своею труппою въ Ставрополь или Пятигорскъ.

Содержатель театра, Яценко, поѣхавъ за актерами въ Ставрополь, нашелъ тамъ труппу свою разстроившеюся: долго не получая содержанія, артисты разъѣхались по разнымъ городамъ. Изъ оставшихся согласились поѣхать въ Тифлисъ только актеръ Львовъ съ женою и дирижеръ музыки Каменскій, которые и привезли съ собой выписанныя изъ Ставрополя декораціи.

16 января 1845 года Дирекція Тифлисскаго театра въ собраніи своемъ первоначально разсмотрѣвъ приходъ и расходъ суммъ въ театрѣ со дня открытія, съ 20 сентября 1845 по 1-е января 1846 года, нашла, что доходъ театра, какъ по абонименту, такъ и по сборамъ, составлялъ 8089 руб. 30 коп., а расходъ 8885 руб. 64½ коп., т. е. расходъ превышалъ приходъ на сумму 796 рублей 34½ коп.

Въ числѣ этого расхода заключается до 2-хъ т. руб., употребленныхъ на покупку у бывшаго содержателя Яценко декорацій, книгъ и нотъ, на необхо

димые пристройки при театрѣ, покупку мебели, зеркалъ, фонарей и проч., и вообще на предметы, которые въ новомъ году подобныхъ издержекъ не потребуютъ—слѣдовательно, на содержаніе театра употреблено до 7 т. руб. с., но и эти издержки въ настоящемъ количествѣ произошли отъ того, что часть труппы, нанятой Яценко, съ апрѣля мѣсяца пользовалась жалованьемъ „безъ всякой пользы до открытія театра.“ при томъ, при наймѣ Ставропольской труппы должно было платить за спектакли деньги въ большемъ количествѣ, имѣя въ виду плату за наемъ Ставропольскаго театра, оставшагося въ пустѣ по случаю перемѣщенія труппы въ Тифлисъ.

Содержатель Ставропольской труппы Дрейсигъ предъявилъ дирекціи, что онъ уже объявилъ своей труппѣ о намѣреніи своемъ съ великаго поста оставить званіе антрепренера, предоставляя имъ свободу къ отысканію другихъ мѣстъ сообразно ихъ желанію, но дирекція театра, находя, что въ общей труппѣ актеровъ и актрисъ, находившихся въ Тифлисѣ, нѣкоторые имѣютъ „удовлетворительные таланты», пола гала ихъ пригласить на новый годовой срокъ, а другимъ объявить, что они не нужны.

Одновременно съ устройствомъ временной сцены въ манежѣ кн. Воронцовъ заботился объ основаніи самостоятельнаго театральнаго зданія въ Тифлисѣ. Мысль эту онъ желалъ осуществить на средства частныхъ лицъ, на выгодныхъ, впрочемъ, для нихъ условіяхъ.

Мысль о постройкѣ въ Тифлисѣ самостоятельнаго театральнаго зданія возникла еще за нѣсколько мѣсяцевъ до пріѣзда въ край гр. Воронцова. Въ сентябрѣ 1844 года прибылъ изъ Ставрополя въ Тифлисъ содержатель частнаго ставропольскаго театра Яценко и съ помощью привезенной имъ съ собой небольшой труппы, желалъ дать тамъ нѣсколько драматическихъ представленій, но, не находя для того удобнаго частнаго зданія, онъ просилъ главноуправляющаго Нейгарта о дозволеніи ему занять на нѣкоторое время манежъ или о приказаніи отвести ему мѣсто для постройки временнаго театра. На это генералъ Нейгартъ отозвался, что „манежъ для сего данъ быть не можетъ“.

И только съ пріѣздомъ князя Воронцова дѣло театра въ Тифлисѣ наладилось.

Одновременно почти съ устройствомъ русской сцены возникла мысль о созданіи въ Тифлисѣ и итальянской оперы. Изъ протокола комиссіи, учрежден-

ной по этому поводу, видно, что предполагалось начать уже въ ноябрѣ представленія и была составлена слѣдующая смѣта на сезонъ съ 1 ноября по 1-е марта.

Расходъ: 1) жалованья по условію на 4 мѣсяца 2000 р. с.; 2) путевые расходы на доставленіе труппы и отправленіе въ Ставрополь, примѣрно 1000 р. с.; 3) половинный сборъ за 27 спектаклей 2000 р.; 4) освѣщеніе на 27 спектаклей 675 р.; 5) музыкантамъ 216 р.; 6) жандармамъ 38 р. 61 к.; 7) афиши 50 р. и 8) расходы, необходимые при представленіяхъ, 1000 р.—Итого—7679 р. 61 к.

Дирекція обязывается доставить всю труппу (24 лица) и продовольствовать ее изъ Керчи до Тифлиса, а впослѣдствіи изъ Тифлиса до Ставрополя.

Наконецъ, итальянская труппа изъ 24 лицъ тронулась въ путь изъ Керчи. Барбіери купилъ для артистовъ 4 тарантаса, въ которыхъ съ большою тѣснотою сидѣло по 5 человѣкъ, остальные ѣхали на перекладныхъ. Багажъ и вещи Барбіери, вѣсомъ до 150 пуд., везлись на вольныхъ извозчикахъ. Но артисты, въ особенности ѣхавшіе на перекладныхъ, до того измучились, что не доѣхавъ даже до Ставрополя, отказывались ѣхать дальше. Въ Ставрополѣ пришлось купить еще тарантасъ, но изнеможеніе артистовъ, несмотря на частыя дневки въ пути, возрастало, и нѣкоторые изъ нихъ заболѣли и нуждались въ медецинской помощи.

Такимъ образомъ, на этотъ разъ дѣло съ оперой окончилось неудачей.

Т. Н. Прозрителевъ.